

иеромонах Тарасий

**Милюков и ученое
шарлатанство**

**Основные начала и развитие
русской культуры**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
ИЗ0

ИЗ0 **иеромонах Тарасий**
Милюков и ученое шарлатанство: Основные начала и развитие русской культуры / иеромонах Тарасий – М.: Книга по Требованию, 2015. – 60 с.

ISBN 978-5-458-56345-1

ISBN 978-5-458-56345-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

великодушно отказывается от исключительности в направлении экономического материализма, но, подкупив критически настроенного читателя и обидев, быть может, крайних приверженцев, г. Милюковъ неожиданно заявляетъ, что въ объясненіи многихъ сторонъ русской жизни (напр. раскола) объясненіе экономическое стало обычнымъ «болѣе или менѣе». Не говоря уже о прелести слога, мы совершенно не понимаемъ, склоненъ ли самъ авторъ признавать состоятельность этихъ объясненій. — Далѣе г. Милюковъ заявляетъ, что онъ далекъ отъ мысли выводить духовное изъ матеріальнаго, что его задача «слѣдить за параллельнымъ развитіемъ — и дальнѣйшимъ дифференцированиемъ — многоразличныхъ сторонъ человѣческой природы въ доступномъ его наблюденіямъ періодъ социальнаго процесса». Что и говорить — задача смѣлая и нелегкая, но въ концѣ своего предисловія авторъ проявляетъ склонность удержатъ традиціонныя рубрики, къ чему такъ склонны новаторы; это, изволите ли видѣть, дѣлается потому, что при настоящемъ состояніи разработки историческаго матеріала и при невыработанности методическихъ приемовъ для научнаго изученія «духовной культуры» распределеніе явленій по психологическимъ рубрикамъ не могло бы обезпечить намъ ни наглядности, ни содержательности изложенія. Конечно это снисходительное довольство «кропотливыми, хотя и безцвѣтными сочиненіями академическихъ изслѣдователей», больше обезпечиваетъ содержательность его книжки, да и хлопотъ меньше и легче. Обезпечивъ, такимъ образомъ, содержание своей книжки, г. Милюковъ придалъ ей направленіе, дѣлающее честь его изобрѣтательности и смѣлости критическихъ приемовъ, хотя изобрѣтенія едва ли ужѣстны въ исторіи, а данныя исторіи не подлежатъ критикѣ, а нуждаются въ изъясненіи.

I.

Достославное и приснопамятное крещеніе русскаго народа и приобщеніе его къ великой Христовой вселенской Церкви положило начало нашему духовному развитію, которое долгое время совершалось въ строго-церковномъ духѣ при полномъ тождествѣ жизни церковной и народиой. Языческая страна, по милости Божіей, озаренная евангельскимъ Христовымъ свѣтомъ, явила многихъ подвижниковъ и чудотворцевъ, представила изъ себя знаменитую помѣстную Церковь, достойную хранительницу вселенскаго апостольскаго достоянія. Христіанское церковное строеніе проникло быстро въ среду народа, изъ котораго стали выходить носители Іисусовой вѣры и совершители Его подвиговъ;

жизнь лучших князей проникнута христіанскимъ духомъ. Созидаются величественные храмы тамъ, гдѣ недавно были идольскія капища. Устраивается подвигами и трудами преподобныхъ подвижниковъ великая печерская обитель, въ которой явно и очевидно совершаются знаменія божественной милости. Аскетическій монастырскій складъ жизни содержится въ той же чистотѣ и строгости, какъ и въ высоко просвѣщенныхъ обителяхъ царствующаго града Восточной имперіи и священной горы Аѳонской, и, обогащая народъ русскій величественнымъ зрѣлищемъ ангелоподобной жизни, монастырскій строй постепенно, но замѣчательно быстро проникаетъ въ домашнюю семейную жизнь народа. Князья ежедневно вычитываютъ церковныя службы; Мономахъ пишетъ наставленія сыновьямъ въ строго церковномъ духѣ. Литература, только что появившаяся, обнаруживаетъ полное усвоеніе церковно-православнаго отношенія къ жизни. Творенія Даниіла Паломника и моленіе Даниіла Заточника въ одинаковой степени, хотя и различными сторонами, выражаютъ вполне усвоенное православное міровоззрѣніе. Святители Иларіонъ и Кирилль Туровскій съ неподражаемой силой озаренія божественнымъ Духомъ излагаютъ вдохновеннымъ художественнымъ языкомъ высокія истины благочестія. Ихъ творенія и по формѣ, и по духу могли бы принадлежать мудрѣйшимъ и даровитѣйшимъ изъ учителей древнихъ апостольскихъ Церквей Востока и Запада. Какое умиленное явленіе, какая благодарная задача для историка изучить это быстрое, почти чудесное, просвѣщеніе цѣлаго народа, постигнуть духъ первыхъ вождей новой Церкви, этихъ поистинѣ равноангельныхъ и равноапостольныхъ мужей, выяснить какъ тѣ способы воздѣйствія на народъ, коими они утверждали свою паству въ вѣрѣ и благочестіи, такъ и начала смиренномудрія и непрестаннаго подвига, дѣйствіемъ чего они сами достигали нравственной высоты! Все, сказанное нами, не вымыселъ, не плодъ досужей фантазіи, а дѣйствительное историческое событіе, явленіе, проявившееся во многихъ памятникахъ, дошедшихъ до нашего времени. Нѣтъ ни малѣйшей возможности отрицать существованіе Кіево-Печерской обители, дѣятельности нашихъ іерарховъ и благочестіе князей и народа.

Въ чести г. Милюкова нужно сказать, что онъ и не пытается отрицать всего этого. «Культурное вліяніе Церкви и религіи было безусловно преобладающимъ въ исторической жизни русскаго народа», говоритъ онъ на 8-й страницѣ своей книжки. Но чтобы читатель не подумалъ объ этомъ обстоятельстве, какъ вполне законномъ, т. е. безусловно положительномъ, заслуживающемъ

достойной хвалы, онъ здѣсь же прибавляетъ: «таково оно всегда бываетъ у всѣхъ народовъ, находящихся на одинаковой съ ними ступени развитія». Иными словами эти строки значатъ: «конечно, читатель, вліяніе Церкви было несомнѣннымъ; противъ этого трудно спорить, но въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго, да и самое вліяніе это происходило отъ всеобщаго невѣжества; такая ужъ темная эпоха была; вотъ теперь—другое дѣло». Иначе, какъ признаніемъ «невѣжества», трудно считать ссылку на «ступень развитія». Ему, несмотря на первоначальное признаніе этого вліянія, хочется во что бы то ни стало представить его въ жалкомъ видѣ невѣжественныхъ и грубыхъ суевѣрій. Если нельзя отрицать, то, быть можетъ, явится возможнымъ сказать. Посмотримъ.

Г. Милюковъ ссылается на мнѣніе Хомякова, который говоритъ, что древняя Русь восприняла только внѣшнюю форму, обрядъ, а не духъ и сущность христіанской религіи и что представлять себѣ древнюю Русь истинно-христіанской значить сильно идеализировать русское общество. Приведенное мнѣніе Хомякова мало выясняетъ дѣло въ направленіи, желательномъ г. Милюкову, и напрасно онъ далѣе ссылается на содержащіе подобныя же взгляды учебники по русской церковной исторіи. Конечно, по сравненію съ періодомъ апостоловъ и мучениковъ древняя Русь была мало развита въ духъ Христова ученія; быть можетъ, она не выдержала бы сравненія и съ періодомъ вселенскихъ соборовъ; несомнѣнно, что обрядовая сторона была преобладающей въ развитіи русской Церкви, какъ метафизическая въ греческой, а каноническая въ римской; все же по сравненію съ послѣдующими болѣе просвѣщенными періодами жизнь древней кievской Церкви поражаетъ своей полнотой и весьма точнымъ исполненіемъ Христовой заповѣди, которое совершалось не словомъ только, но и дѣломъ, а это—противъ этого не будетъ спорить никто—самое важное при разрѣшеніи вопроса о степени усвоенія Евангелія. И самъ г. Милюковъ, по видимому, не отрицаетъ ревности первыхъ русскихъ христіанъ. «Религія, введенная святымъ Владимиромъ, съ самаго начала встрѣтила не мало горячихъ душъ, которыя со всею страстью бросились на встрѣчу новому духовному брашну и рѣшились сразу отвѣдать самыхъ изысканныхъ яствъ византийскаго трапезы». Въ этихъ словахъ, хотя и ироническихъ, нельзя не видѣть признанія ревности и искренности первыхъ христіанъ земли русской, и да будутъ благословенны и прославлены за это имена ихъ! Только не со страстностью они рѣшились отвѣдать

изысканныя яства византійской трапезы. Съ этимъ чувствомъ г. Милюковъ *каὶ οἱ μετ' αὐτοῦ* выдаются на всякую пададь, предлагаемую ихъ западными учителями отрицанія и безбожія; а предки наши со смиреніемъ и страхомъ Божиимъ приступили къ безсмертной и животворящей трапезѣ, въ изобиліи предложенной имъ апостолами и ихъ преемниками, возсѣдавшими на знаменитыхъ и прославленныхъ Богомъ престолахъ восточныхъ церквей.

Напрасно г. Милюковъ думаетъ, что необходимо условіе подлаго усвоенія христіанства—извѣстная ступень культурнаго развитія; въ церкви Божіей нѣтъ эллиновъ и іудеевъ; первыми послѣдователями Господа, явившагося во плоти, были невѣжественные рыбаки, и прежде торжества христіанства въ цивилизованной Римской имперіи открыто присоединилъ свой народъ къ Церкви армянскій царь Тиридатъ (290 г.), едва ли стоявшій съ своимъ народомъ на ступени культуры высшей, чѣмъ русскіе X вѣка, и что же? Развѣ апостолы были плохими христіанами? Развѣ армянская Церковь до уклоненія въ ересь (что постигло и римскую) не дала многихъ учителей, мучениковъ и исповѣдниковъ? Нѣтъ, въ дѣлѣ усвоенія евангельскаго духа важно не ви́шнее культурное просвѣщеніе, которое *смалль есть полезно*, а искреннее благочестіе, т.-е. полная преданность волѣ Божіей и готовность искренно исполнять волю Христову.

Послѣ этого г. Милюковъ говоритъ: «Религія не только не могла создать или удержать элементарности русскаго психическаго склада, но, напротивъ, она сама отъ этой элементарности пострадала. При самыхъ разнообразныхъ взглядахъ на византійскую форму религіозности, воспринятую Россіей, нельзя не согласиться въ одномъ: въ своемъ источникѣ эта религіозность стояла неизмѣримо выше того, что могло быть изъ ней воспринято на первыхъ порахъ Русью». А этой великолѣпной тирадѣ предшествуютъ такіа разсужденія: «считать русскую народность, безъ дальнихъ справокъ, истинно христіанскою значило бы сильно преувеличивать степень усвоенія русскими истиннаго христіанства. Точно такимъ же преувеличеніемъ вліянія религіи было бы и обвиненіе ея въ русской отсталости. Для этой отсталости были другія, органическія причины, дѣйствіе которыхъ распространялось и на самую религію» (стр. 9). Быть можетъ, найдутся прасвѣщенные богословы, которые будутъ признательны г. Милюкову за снятіе съ религіи тяготѣющаго надъ ней обвиненія въ способствованіи отсталости (въ чемъ?) русскаго народа. Насъ же это обвиненіе, какъ и всякая голословная невѣжественная клевета, нисколько

не трогаеть. Намъ хотѣлось бы поговорить по существу. Византійская форма религіозности, на которую г. Милюковъ съ терпимостью, дѣлающею честь его великодушію, допускаеть различныя взгляды, есть не что иное, какъ вселенская апостольская Церковь, и на нее для принадлежащихъ къ ней возможна одна только точка зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія вселенская апостольская Церковь никогда не оскудѣваетъ въ своихъ духовныхъ дарахъ, хотя и обогащаетъ многие цароды, такъ что напрасно г. Милюковъ жалѣеть религію, на которую будто бы распространилось дѣйствіе какихъ-то не упоминаемыхъ, но, очевидно, крайне несимпатичныхъ ему органическихъ причинъ. Церковь Христова всегда и вездѣ одна и таже и ни отъ какихъ причинъ, какъ органическихъ, такъ и неорганическихъ, не терпитъ измѣненія.

Русские могли и не усвоить всѣхъ тонкостей византійской религіозной философіи, но они быстро усвоили себѣ православно-аскетическое отношеніе къ жизни, что, какъ выяснено на страницахъ «Русскаго Обзорнія» преосвященнымъ Антоніемъ Уфимскимъ, составляетъ сущность и отличительную особенность вселенскаго православія въ его отличіи отъ западнаго инославія. Слѣдовательно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія обвинять русскихъ той эпохи въ недостаточномъ усвоеніи христіанства. Но г. Милюкову мало неосновательнаго обвиненія въ неполномъ усвоеніи христіанства. Онъ выдвигаетъ старое, испытанное оружіе провѣвъ благочестія древней Россіи; обвиненіе это можно прочесть въ многочисленныхъ учебникахъ русской исторіи и словесности и слышать изъ устъ самаго зауряднаго преподавателя гимназіи при прохожденіи древнихъ памятниковъ литературы въ V классѣ. Удивительно, какъ новаторъ науки, подобный г. Милюкову, рѣшился бороться этимъ заржавленнымъ мечомъ. Это оружіе—обвиненія въ двоевѣрїи и притомъ не только русскихъ мірянъ того времени, но и блаженныхъ иноковъ Кіево-Печерской обители. Исповѣдуя христіанство, они не перестали, будто бы, вѣрить въ своихъ старыхъ боговъ. Бѣдные христіане, несчастные иноки! воскликнули бы мы отъ всей души, если бы въ пользу этой квазі-ученой гипотезы были представлены сколько-нибудь солидныя основанія. Но что же говорить въ пользу двоевѣрїя г. Милюковъ? Онъ находитъ его въ борьбѣ отшельниковъ со своею плотью. Понятно, какую борьбу съ плотью долженъ былъ выдержать подвижникъ, рѣшившійся, во что бы то ни стало, преодолѣть дьявольское искушеніе. Потребность плоти дѣйствительно представлялась ему козлами нечистой силы. Вчерашній язычникъ, онъ не могъ отдѣлаться сразу отъ старыхъ воззрѣній и, чаще

всего, вполне раздвляя наивныя представленія окружавшей его мирской среды. Бѣсы—это для него старые языческіе боги, осердившіеся на молодое поколѣніе за его измѣну старой вѣрѣ и рѣшившіеся отмстить за себя. «Бѣсы,—говоритъ намъ одинъ изъ составителей патерика,—не терпя укоризны, что когда-то язычники поклонялись имъ и чтили ихъ, а теперь угодники Христовы пренебрегаютъ ими и уничтожаютъ ихъ, видя, какъ укоряютъ ихъ люди, вопіяли: о злые и лютые наши враги: мы не успокоимся, не перестанемъ бороться съ вами даже до смерти». —Сколько въ этихъ словахъ и особенно въ кощунственной ссылкѣ на слова патерика возмутительной дерзости и изумительнаго для профессора, бывшаго на православномъ Востоцѣ, невѣжества! Выполнѣ справедливо, конечно,—подвижникъ, рѣшившійся при помощи Божіей преодолѣть искушеніе, испытываетъ величайшія страданія, тяжкую борьбу. Только напрасно г. Миллюковъ думаетъ, что искушенія діавольскія—изобрѣтеніе невѣжественныхъ и суевѣрныхъ иноковъ печерскаго монастыря. О діавольскихъ искушеніяхъ и видѣніяхъ много и подробно говорятъ и Василій Великій, и Нилъ Синайскій, и Іоаннъ Кассіанъ, и Исаакъ Сиринъ, и всѣ прочіе, образованнѣйшіе и мудрѣйшіе, отцы вселенскаго аскетизма, стоявшіе на высотѣ обще-культурнаго развитія своего времени и общимъ образованіемъ, вѣроятно, превосходившіе г. Миллюкова, а также и современные учителя съ академическимъ и университетскимъ образованіемъ, какъ еп. Теофанъ, еп. Игнатій, архим. Пименъ. Нѣтъ основанія, слѣдовательно, указывать на недавнее язычество кievскихъ подвижниковъ, а приведенная въ подтвержденіе взглядовъ г. Миллюкова выдержка изъ кievскаго патерика лучше всего говоритъ въ пользу глубочайшаго усвоенія кievскими иноками христіанскихъ понятій. Развѣ г. Миллюковъ не замѣчаетъ, что складъ и тонъ рѣчи демоновъ совершенно греческій? Развѣ онъ не знаетъ, что языческіе боги отождествляются съ бѣсами и исаимонѣвцемъ Давидомъ, апостоломъ Павломъ и христіанскими апологетами? Неужели онъ не знаетъ, что о бѣсахъ упоминается въ Евангеліи, и апостолъ Петръ, котораго ужъ никакъ нельзя обвинить въ двоевѣрїи и суевѣрїи, сравниваетъ искушителя діавола съ «рыкающимъ львомъ»? Конечно, г. Миллюковъ воленъ признавать или отвергать все сказанное нами, но зачѣмъ ставить въ вину кievской «легендѣ», какъ ему угодно называть исторію первыхъ русскихъ подвижниковъ, то, что отличаетъ все вселенское православіе, все новозавѣтное ученіе? Обезцѣнивая подвигъ преподобныхъ основателей русскаго монашества, признавая ихъ грубыми и суевѣрными полуязычниками,

г. Милюковъ прибѣгаетъ для окончательнаго развѣнчанія ихъ къ приему, весьма обычному въ западной отрицательной наукѣ. Исторію преподобныхъ отцовъ печерскихъ, записанную ихъ ближайшими свидѣтелями, современниками и очевидцами,—людьми, заслуживающими полного довѣрія, онъ развязно называетъ легендой; конечно, приемъ неотразимый для тѣхъ читателей, которые проявятъ склонность повѣрить нашему автору на слово. Легенда такъ легенда! Повидимому, г. Милюковъ рассчитываетъ именно на такихъ читателей, потому что ничего не приводитъ въ опроверженіе исторической правды сказаній о первыхъ русскихъ подвижникахъ. Да и что можно сказать противъ этого? Что содержаніе житій святыхъ не вѣроятно, что чудеса вообще не бываетъ? Но вѣдь это можно сказать и относительно Библии, Евангелія и житій восточныхъ подвижниковъ, а ко всему этому едва ли можно приложить поверхность, полупрезрительную точку зрѣнія г. Милюкова на печерскій патерикъ. Считаая содержаніе патерика легендарнымъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ говорится о чудесныхъ явленіяхъ, г. Милюковъ совершенно непослѣдовательно признаетъ историческую состоятельность всѣхъ повѣствованій о недостаткахъ и уклоненіяхъ первоначальнаго монашества.

Если бы г. Милюковъ далъ себѣ трудъ познакомиться съ исторіей восточнаго монашества, то увидѣлъ бы, что единичные случаи уклоненія отъ строгости устава встрѣчались и тамъ, хотя восточныхъ подвижниковъ трудно подозрѣвать въ духовной неразвитости. Причина этихъ уклоненій и паденій кроется не въ степеняхъ культурнаго или интеллектуальнаго развитія, а въ присущей каждому человѣку склонности ко грѣху. Творенія преподобныхъ отцовъ подвижниковъ подробно учатъ о способахъ борьбы со страстями и увѣряютъ насъ въ невозможности побѣдить страсти своими собственными силами. Для полного торжества надъ злыми наклонностями воли нужна продолжительная и упорная борьба при полномъ упованіи на божественную помощь. Понятно, что въ продолженіи этой борьбы возможны всякія уклоненія, которыя бывали даже въ жизни просвѣщеннѣйшимъ подвижникомъ Востока, а отнюдь не составляютъ особенности монашеской жизни первыхъ русскихъ иноковъ, которую г. Милюкову зачѣмъ-то нужно представить жалкою и несостоятельною. Преподобному Θεодосію ставится въ вину снисходительное отношеніе къ падшимъ братіямъ; такая строгость дѣлаетъ, конечно, честь ригоризму самаго г. Милюкова, но мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что искреннее покаяніе всегда со временемъ Евангелію встрѣчало снисхожденіе къ кающимся, и это вовсе не доказа-

тельство несостоятельности монашеской жизни того времени, а упоминание патерика объ уклоненіяхъ отъ иноческой строгости лучше всего говорить о рѣдкости и исключительности этого рода явленій. Если бы эти уклоненія были обычнымъ дѣломъ въ жизни печерскаго монастыря, то едва ли бы патерикъ отмѣтилъ ихъ.

Съ необычайной тщательностью отмѣчая все, что сколько-нибудь можетъ ослабить значеніе первоначальнаго русскаго монашества, г. Милюковъ не задумывается высказать отрицательную гипотезу относительно явленія, несомнѣнно имѣвшаго мѣсто среди отцовъ нашего отечественнаго иночества. Мы говоримъ о *духовномъ дѣланіи*, существованіе котораго среди русскихъ подвижниковъ г. Милюковъ отрицаетъ рѣшительно. «Понятно, какъ много усилій нужно было, чтобы преодолѣть паважденія дьявола и немощи плоти. На эту борьбу уходила вся энергія самыхъ горячихъ подвижниковъ. Подобно брату Іоанну, тридцать лѣтъ безуспѣшно борозшемуся съ плотскими похотями, —лучшимъ изъ печерскихъ подвижниковъ не удавалось подняться надъ этой первой, низшей ступеню духовнаго дѣланія, которая собственно въ ряду подвиговъ христіанскаго аскета имѣетъ лишь подготовительное значеніе. О высшихъ ступеняхъ дѣятельнаго или созерцательнаго подвижничества киевскіе подвижники едва ли имѣли ясное представленіе. То, что должно быть только средствомъ—освобожденіе души отъ земныхъ стремленій и помысловъ, для братіи печерскаго монастыря поневолѣ стало выдѣсь единственной цѣлью: недисциплинированная натура плохо поддавалась самымъ упорнымъ, самымъ добросовѣстнымъ усиліямъ. Людямъ съ такой силой воли и съ такимъ практическимъ складомъ ума, какъ у печерскаго игумена, удавалось, правда, достигать прочнаго душевнаго равновѣсія, но въ установленіи этого равновѣсія слишкомъ большая роль (!) принадлежала внѣшней дисциплинѣ ума и воли. Съ такой дисциплиной наши подвижники скорѣе становились выдающимися администраторами, въ какихъ нуждалась тогдашняя жизнь, чѣмъ великими свѣтилниками христіанскаго чувства и мысли» (стр. 12).

Достаточно было бы сопоставить эту пессимистическую тираду съ вышеприведеннымъ замѣчаніемъ объ «изысканныхъ яствахъ византійской трапезы», чтобы сдѣлать очевидными внутреннія противорѣчія г. Милюкова. Заявляя на стр. 12-й о чисто внѣшнемъ узгодисциплинарномъ характерѣ русскаго монашества съ его полной неспособностью къ созерцанію и съ административными наклонностями, г. Милюковъ на 9-й стр.

говорить: «въ языческой еще Россіи завелись самыя утонченныя типы восточнаго монашества: пустынножителство, затворничество, столпничество и всѣ виды плотскихъ самоистязаній». Трудно и представить себѣ, какая путаница получилась бы въ головѣ читателя, если бы онъ вздумалъ составить себѣ понятіе о древне-русскомъ монашествѣ по книжкѣ г. Милюкова. То «самыя утонченныя типы монашества», а то «о высшихъ ступеняхъ дѣятельнаго или созерцательнаго подвижничества кievскіе подвижники едва ли имѣли ясное представленіе». Вотъ и пойми тутъ! Мы думаемъ, что кievскіе подвижники, люди высочайшей святости и прославленные Богомъ, имѣли о высшихъ степеняхъ христіанскаго подвижничества вполне ясное понятіе, какъ насколько не сомнѣваемся въ томъ, что г. Милюковъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія даже о началѣ его. Нѣтъ ничего удивительнаго, что на борьбу со страстями уходила вся энергія печерскихъ подвижниковъ; «недисциплинированная натура» тутъ ни при чемъ. Натура человѣческая вообще плохо дисциплинирована относительно страстей, а кievскіе подвижники въ отношеніи дисциплины стояли куда выше нашихъ современниковъ. Продолжающаяся борьба со страстями отнюдь не свидѣтельствуетъ о пребываніи подвижника на низшихъ степеняхъ духовной жизни; потому что страсти, даже побораемыя, въ большинствѣ случаевъ, не прекращаютъ своего дѣйствія до самой смерти, а горячая ревность въ борьбѣ со страстями служить лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ внутренняго духовнаго дѣланія подвижника. Вообще же говоря, нѣтъ возможности указать точно и опредѣленно степень, на которой пребываетъ подвижникъ, потому что сокровенныя благодатныя дары никогда не бываютъ предметомъ легкомысленныхъ и бесполезныхъ обнаруженій, а часто даже тщательно скрываются. Г. Милюковъ полагаетъ, что освобожденіе души отъ земныхъ стремленій и помысловъ только средство для достиженія какой-то цѣли. Откровенно признаемся, мы недоумѣваемъ, самъ ли г. Милюковъ придумалъ это, или заимствовалъ у какого-нибудь столь же развязнаго толкователя монашества. Іоаннъ Кассіанъ Римлянинъ (V в.) смотритъ на внутреннее усовершенствованіе, какъ на цѣль монашества, средствомъ же къ достиженію цѣли признаетъ внѣшніе подвиги монашеской жизни.—Конечно, сторонники г. Милюкова могутъ сказать намъ, что это вопросъ слишкомъ спеціальныи, что ученый изслѣдователь русской культуры могъ и не читать аскетическихъ твореній. Мы вполне согласны съ этимъ, но только зачѣмъ же разсуждать о тѣхъ явленіяхъ, пониманіе которыхъ такъ слабо и сбивчиво? Зачѣмъ

же принимать авторитетный тонъ спеціалиста въ области совершенно невѣдомой? Если г. Милюковъ взялся разсуждать о философіи аскетизма, то долженъ прежде основательно изучить предметъ. Грубыя ошибки, допускаемыя имъ, производятъ непріятное впечатлѣніе. Зачѣмъ безъ нужды говорить на языкѣ, изъ котораго извѣстно только нѣсколько словъ, да и то плохо заученныхъ?

Г. Милюковъ говоритъ о какомъ-то «дѣятельномъ или созерцательномъ подвижничествѣ». Дѣятельное подвижничество и созерцательное подвижничество не одно и то же и вмѣстѣ съ тѣмъ не различныя явленія, а подвижничество созерцательное представляетъ собой завершение и плодъ дѣятельнаго, такъ что сказать: «дѣятельнаго или созерцательнаго» нѣтъ никакой логической возможности. Это все равно, что сказать: «первоначальный или высшій курсъ исторіи».

Безпощадно, хотя и неосновательно, подвергнувъ отрицанію высоту духовныхъ подвиговъ и подлинность чудесъ кievскихъ святыхъ, г. Милюковъ умаляетъ ихъ вліяніе на православныхъ мірянъ, которыхъ считаетъ совершенными язычниками. Конечно, это мнѣніе также нуждается въ доказательствахъ. Г. Милюковъ, самъ не изучившій первоисточниковъ русской исторіи, въ этомъ случаѣ обезпечиваетъ содержаніе своей книжки отрицаніемъ уже принятаго имъ взгляда Хомякова на усвоеніе обряда и принятіемъ болѣе пикантнаго мнѣнія профессора Голубинскаго о томъ, что народная масса даннаго періода ничего еще не успѣла усвоить. Взглядъ весьма рѣшительный и какъ разъ на руку г. Милюкову. Вотъ что значитъ оставить традиціонныя рубрики и пользоваться готовыми трудами: чего хочешь, того и просишь, неудобно мнѣніе Хомякова, можно заимствовать у Голубинскаго! Только г. Милюковъ не сообразилъ, что на этотъ разъ г. Голубинскій проявилъ странную недогадливость. Если бы русскіе не усвоили даже обрядности, то развѣ были бы возможны споры о разрѣшеніи постныхъ дней? Кто могъ бы помѣшать имъ нарушать постные дни безъ всякихъ разрѣшеній? Вѣдь сами и Милюковъ и Голубинскій едва ли спорятъ о разрѣшеніи постныхъ дней; споры же объ этомъ въ древней Руси доказываютъ обратное тому, что нужно г. Милюкову, а именно—быстрое и сознательное усвоеніе христіанства и ревностное искреннее отношеніе къ церковной дисциплинѣ.

II.

Мы сильно сожалѣваемъ о разглашаемой способности естествоиспытателей описывать форму животнаго по какой-нибудь